

**Кризис современной молодежи в свете новой (универсальной)
социологической парадигмы**

Сегодня очень много говорят и пишут о кризисе. Кризис общества, кризис идеологии, кризис экономики, кризис молодежи. Действительно, переживаемый страной кризис носит системный характер и проявляется во всех сферах общественной жизни. Однако понятие "кризис" имеет два значения. Это не только тяжелое положение, но и резкий, крутой перелом в течение событий, тяжелое переходное состояние. Эмпирические проявления кризиса достаточно известны. Важные его аспекты раскроют и те, кто будет выступать после меня. Я вообще почти не буду говорить о цифрах, хотя конкретных данных у меня достаточно. Ежегодно на протяжении последних двадцати лет я являюсь руководителем или участником, совместно со многими из присутствующих здесь коллег, нескольких исследовательских проектов. Например, известный лонгитюд "Пути поколения", начатый в 1983 году, или российско-американский проект "Молодежь России: три жизненных ситуации", который проводится сейчас. Проблема, на мой взгляд, не столько в выявлении эмпирических показателей и тенденций кризиса молодежи, сколько в попытке его теоретического осмысления. Общество ждет от социологов не просто констатации переживаемых трудностей, но и ответа на вопрос, в каком направлении движутся сегодня события, какому состоянию общества предшествует современный кризис. Такие отрасли социологической науки, как социология образования и социология молодежи, не всегда убедительно могли ответить на данные вопросы, и более того, зачастую они и не ставились перед исследователями.

На мой взгляд, подобная ситуация во многом связана с ограниченностью теоретико-методологической базы, на которую опирается отечественная социология.

В самом деле, перемены, которые произошли за последнее десятилетие в общественной жизни, привели к освобождению от господства коммунистической идеологии и, соответственно, теоретико-методологической гегемонии марксизма-

ленинизма. Возникла ситуация своеобразного теоретического вакуума, который заполняется в основном за счет восприятия (подчеркну — не всегда адекватного и не всегда критического) зарубежных социологических теорий. Выпускаются учебники зарубежных авторов, публикуются статьи американских и европейских социологов. Издается и отечественная социологическая классика. Однако почти семь лет пребывания ее в спецхранах отнюдь не благоприятствовали сохранению и развитию российской научной традиции, а активное обращение к Западу в поисках рыночно-демократической панацеи способствует интенсивному заимствованию позитивистских социологических подходов.

Одно из основных препятствий на пути развития теоретической социологии в нашей стране заключается в том, что мировоззренческой основой большинства используемых сегодня социологических теорий является система взглядов и ценностей, сложившаяся еще в XIX веке и даже ранее.

Сейчас же в мире ситуация принципиально иная, нежели в эпоху зарождения и развития материализма. Капитализм с его буржуазно-пролетарским материализмом уступает место посткапитализму с новой классовой структурой и постматериалистическим мировоззрением, которое развивает новые социологические теории. При их разработке нельзя обойти вниманием отечественное философское наследие, еще мало осмысленное нашими современниками, как и все, что накоплено в сокровищнице мировой культуры.

В настоящее время формируется новая картина мира, основанная на синтезе восточных и западных представлений, на единстве рационального познания и научной интуиции. На смену линейному мировосприятию приходит дискретное, что прекрасно выражено в видеоклипах: точечность, разорванность, мгновенность изображения. На смену эволюционизму, который все объясняет через категории необходимости и случайности, детерминизму, в основе которого лежит закон механической причинности, приходит понимание самодетерминации в ответ на возможности, предоставляемые средой, признание дискретного характера действительности. На смену моноцентризму приходит полицентризм, который включает представление об изотропности пространства. Понимание движения как

равномерного заменяет принцип пульсации.

Исключительно важное место в современной научной картине мира занимает и принцип дополнительности Бора. Использованию этого принципа в социологии посвятила свою диссертацию одна из моих аспиранток. Фактическим выражением принципа дополнительности Бора в психологии, например, являются работы А.Е. Шерозих. Академик АМН Казначеев пришел к выводу, что человек представляет собой единство белково-нуклеиновой и полевой форм жизни. На принципе дополнительности основаны исследования американского психолога С.Грофа. Согласно его исследованиям, природа человека проявляет двойное свойство: иногда человека можно объяснить механически, когда человеческое существо функционирует как физическое тело, обладающее своими физическими свойствами. Но иногда человек может функционировать как неограниченное поле сознания, способное трансцендентировать над материей, временем, пространством, причинностью. Поэтому для полного, исчерпывающего объяснения феномена человека следует принять парадокс (который был принят в физике в отношении материи): человек одновременно и материальный объект (биомашина), и неограниченное поле сознания. Вместе с тем нельзя не отметить, что новая научная картина мира, принципы которой описываются на основе системного анализа, уже была подробно раскрыта в русской философской науке середины прошлого — начала нынешнего века. Прежде всего, речь идет о русском антропокосмизме. Опираясь на достижения современной мировой науки, а также на отечественные культурно-философские традиции, мы разрабатываем новую социологическую парадигму — универсумную [1].

В наиболее общем виде под универсумом понимается мировое целое. Выделение структуры, логики и символов универсума проходит красной нитью через основные памятники человеческой культуры — от древних мифов до Нового завета. Центральное звено социологической "универсумной" парадигмы — признание социальной реальности как составной части высокоорганизованной Вселенной. Каждый из элементов этой системы при изменении своего состояния обязательно отражает и изменяет состояние других ее элементов и систем. Трехмерность нашего

социума в сочетании с однонаправленным развитием времени — лишь один из множества возможных вариантов N-мерного пространства и своеобразия временных свойств.

При этом я должен подчеркнуть, что научная картина мира связана с социологической парадигмой не прямо, а через посредство познавательных моделей. Последние представляют собой приемы организации и истолкования конкретного материала учеными различных специальностей, но сходного миропонимания. Для науки нового времени наиболее характерны пять таких моделей:

- схоластическая (трактующая природу как текст, как шифр);
- механическая (природа рассматривается как машина, например, часы);
- статистическая (природа как баланс средних величин);
- системная (природа как организм);
- диатропическая (природа как сад, как ярмарка).

В разные эпохи в различных странах господствовали те или иные познавательные модели, но все они присутствовали в науке практически всегда.

Так, схоластическая модель господствовала в средние века и в эпоху Возрождения. Отступив впоследствии на периферию науки, модель оказалась ведущей в одной из современных научных дисциплин — генетике, в которой жизнь нередко представляется некоей тайнописью, шифр которой необходимо разгадать. Понимание мира как механизма пришло в XVII веке с Декартом и Ньютоном и выразилось в мировоззрении, именуемом "Лапласов детерминизм". Статистическая модель родилась еще в XV веке и долго обслуживала механическую модель, породив идею законов сохранения в физике, торгового баланса — в экономике, равновесия властей — в политике и т.д.

В настоящее время в мировой науке происходит переход от статистической к системной познавательной модели. Однако последняя уже не вполне соответствует новой научной картине мира, на базе которой формируется диатропическая модель. Причем диатропическая модель не заменяет собой предшествующие, а, скорее, выступает продолжением их развития и взаимодействия.

Диатропическая познавательная модель концентрирует внимание на общих

свойствах разнообразий независимо от природы элементов, образующих данные множества. Основным понятием для диатропики является ряд, подобно тому как для опытных и наблюдательных наук это факт. Как известно, для социологии в настоящее время — это социальный факт.

И все же, как факт не имеет смысла вне объясняющей схемы, так и ряд немислим для диатропики без сопоставления с другим рядом. Сопоставление этих рядов — элементарная операция диатропики, причем ряд — не обязательно целостная система, а нередко — простая упорядоченность изучаемого множества. На основании подобного сопоставления можно выделить архетип — обобщенный образ изучаемого объекта, будь то, например, строение птицы, дерева, общества или социального института.

Кстати, модная в последнее время синергетика отражает скорее особенности диатропической познавательной модели, нежели системной.

Диатропическая познавательная модель позволяет по-новому подойти к решению самых разнообразных общественных проблем. Например, экономика до сих пор носила или механический характер (прямое воздействие на природу), или статистическое (план, рынок), или в лучшем случае системный характер — речь идет об оптимизации. Теперь же встает чисто диатропическая задача согласовывать разнообразие форм хозяйствования людей с их индивидуальной трудовой мотивацией и природными условиями. В социально-политической сфере задачи развития реализовывались по принципу "нет человека — нет проблемы" — путем уничтожения как отдельных индивидов, так и целых общественных групп и классов. Между тем необходимо диатропическое согласование интересов различных социальных групп.

Итак, универсумная социологическая парадигма опирается на диатропическую и системную познавательные модели. Не останавливаясь подробно на описании нашего методологического подхода, отмечу, что с точки зрения универсумного подхода несколько иного взгляда требуют предмет и объект социологии.

В частности, социология становится все более междисциплинарной и деидеологизированной, углубляется понимание чрезвычайной сложности,

многомерности и многослойности человеческого бытия.

Например, благодаря социобиологии, этологии и зоопсихологии постепенно стирается грань между социальностью животных и социальностью человека. Многочисленные исследования и эксперименты свидетельствуют, что шимпанзе и дельфины могут общаться на языке жестов, их интеллект подчас соответствует уровню умственного развития 4 —5-летнего ребенка. В стадах слонов и антилоп, птичьих и волчьих стаях, не говоря уже о сообществах крыс и обезьян, существуют властные иерархические отношения, подобные человеческим группам и коллективам. Многие социальные потребности, — например, в общении, в доминировании, — оказываются присущими не только людям, но и животным.

Более того, у животных обнаружены элементы абстрактного мышления. В одном из зарубежных экспериментов молодому шимпанзе, обученному языку жестов, было дано задание разложить фотографии таким образом, чтобы в одной стопке оказались *I* изображения животных, а в другой — людей. Задание он успешно выполнил, причем к животным он положил фотографии своих *j* родителей, а собственное фото — к людям. Я уже не говорю о 3 дельфинах, которых активно используют военные для выполнения специфических задач.

Таким образом, отличительная черта человека как родового *I* существа — не столько социальность (животные и даже насекомые образуют достаточно сложные социумы), сколько духовность, т.е. стремление к высшим ценностям, к АБСОЛЮТУ. Соответствующей корректировки требует и понимание предмета социологии. В частности, в качестве предмета универсальной социологии мы рассматриваем эволюционирующий посредством человека социум в единстве его природных, социальных, духовных связей и проявлений, относящихся как к объективной реальности (внешнему миру, макрокосмосу), так и к реальности субъективной (внутреннему миру, микрокосмосу).

Логично возникает вопрос: а что же дают приведенные мною теоретические рассуждения для социологического анализа кризиса молодежи на пороге школьной жизни?

Прежде всего, определим функции молодежи в социуме. В соответствии с

методологическим принципом минимального универсума выделим две полярные группы: с одной стороны, молодежь, с другой — взрослых людей. В данной дихотомической паре первая группа будет экспрессивной, вторая — инструментальной. Так, функциями молодежи являются эволюция общества, выработка инноваций; функциями взрослых людей являются освоение и закрепление появившихся инноваций в ткани социальной жизни.

Как и в биологии, в социологии эволюция мало зависит от взрослых, поскольку мала их способность меняться. "Взросление человека и развитие общества связаны так же неразрывно, как и в биологии, развитие зародыша и эволюция рода" [2]. Тем самым эволюция общества осуществляется посредством молодежи. Поэтому любое социальное потрясение резко омолаживает слой активных деятелей общественной элиты, начиная от шестнадцатилетних командиров полка и кончая мэнээссами и завлабами, заседающими в Правительстве. Соответственно, и кризис, в котором находится современная молодежь вообще и выпускники средних школ в частности, это не что иное, как важнейшее проявление общественного кризиса в целом и кризиса системы образования в частности.

Из сказанного следует важный методологический вывод. Если в процессе исследования мы выявим различия между молодежью и старшими возрастными группами, то по характеру этих различий мы можем определить, в каком направлении движется все общество. Позволю себе напомнить несколько общеизвестных примеров. В конце шестидесятых — начале семидесятых годов симпатии абитуриентов неожиданно повернулись от точных и технических наук к гуманитарным и биологическим. Теперь мы знаем, что это был один из сигналов о неблагополучии технократического общества.

В начале — середине восьмидесятых годов взрослые обвиняли молодое поколение в отсутствии идеалов (имелись в виду догмы, внедряемые в массовое сознание системой коммунистического воспитания). Спустя пятнадцать лет мы понимаем, что это были первые отсветы — в начале — "социалистического плюаризма мнений", затем — полного идеологического распада и мешанины в обществе.

В семидесятые — восьмидесятые годы среди публицистов, опиравшихся также и на данные социологических исследований, популярны были обвинения молодежи, с одной стороны, в вещизме и потребительстве, с другой — в нежелании заниматься производительным трудом на заводах и фабриках, колхозах и совхозах. Сейчас ясно, что это были предвестники формирования в нашей стране диких рыночных отношений, сопровождающихся резким упадком и параличом промышленного и сельскохозяйственного производства. Согласно нашим сравнительным исследованиям, за последние десять—пятнадцать лет у молодежи резко усилились престижно-гедонистические ориентации и девальвировались трудовые и социально-альтруистические устремления. Это — указатель того направления, в котором развивается наше общество. К аналогичному выводу приводит нас и анализ различий между современной молодежью и взрослыми людьми. Характерной особенностью Массового сознания современной молодежи является ценностный идеал богатого бандита", в котором сочетаются мощные престижно-гедонистические цели с отсутствием представлений о способах их достижения. Молодежная субкультура всегда заимствовала определенные черты субкультуры криминальной. Сегодня же две субкультуры непосредственно сопрягаются. Молодежь заимствует у криминальной среды не только стереотипы поведения и соответствующие жизненные ценности и стандарты, но и криминальные способы их достижения. Небезынтересно сравнить современную молодежь и взрослых по таким признакам, как отношение к вопросам религии. Согласно прошлогоднему опросу, проведенному Центром социологических исследований МГУ, среди лиц старше 55 лет в два—три раза меньше тех, кто верит в колдовство, порчу, существование дьявола, спиритизм, предсказания астрологов, чем среди молодежи в возрасте 18 — 24 лет..] Верящих в христианские догматы среди молодежи также почти в два раза больше, чем в старших возрастных группах. Однако вера в христианские догматы зачастую носит поверхностный характер. Молодые люди, считающие себя верующими, крайне слабо разбираются в элементарных вопросах христианского вероучения. Вместе с тем, нехристианские элементы усвоены многими уже не просто на вербальном, но и на эмоциональном уровне.

Таким образом, перед нашими глазами вырисовываются контуры общества, которое сложится в России в ближайшие десять — пятнадцать лет. И кризис молодежи, свидетелями и участниками которого мы с Вами являемся, есть не что иное, как важнейший признак формирования нового общества. Нельзя винить молодежь в том, что она нетрудолюбивая, безнравственная и вообще "нехорошая". Просто она несет в себе основные черты формирующегося общества и подготовлена она к жизни в нем несравненно лучше, чем мы, сегодняшние взрослые. И все же правильнее будет говорить о системном кризисе нашего общества, который охватывает все стороны социальной действительности и является переходным этапом к новому общественному состоянию. Кризис современного российского общества — это, выражаясь языком синергетики, его бифуркация. В этот период происходит смена прежнего направления развития, общество переживает социальное, экономическое, идеологическое, политическое потрясение. Осуществляется выбор нового канала эволюции — направления дальнейшего развития системы. Поскольку любые социальные изменения начинаются с информационного уровня социума, прежде всего должна измениться система ценностей в обществе, его идеология. И влиять на направление развития общества наиболее эффективно можно через информационный уровень социума. И роль системы образования в этой ситуации трудно переоценить. Таким образом, социология молодежи и социология образования как специальные социологические теории должны непосредственно отражать новую научную картину мира и соответствующие ей новые познавательные модели.

Эти научные дисциплины признаны сыграть важную роль в выходе общества из кризиса на более высоком уровне духовного развития и социальной организованности. Можно в определенной мере скорректировать вектор общественного развития, воздействуя теми или иными средствами, прежде всего — социально-педагогическими, — на молодежь, на ее элитные группы [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Немировский В.Г. Основы теоретической социологии. Красноярск, 1994. с. 133.

2. Чайковский Ю.В. Молодежь в разнообразном мире / Социологические исследования, 1988. № 1. с.78.

3. Григорьев С.И., Немировский В.Г. В поисках смысла жизни и справедливости: студенчество России на пороге XXI века (К формированию основ социальной логотерапии и социальной педагогики). Красноярск—Барнаул — Новосибирск, 1995. с.149